

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Первая волна русской литературной эмиграции	6
Глава 2. Вторая волна русской литературной эмиграции.....	28
Глава 3. Третья волна русской литературной эмиграции	41
Планы практических занятий	50
Тестовые вопросы для самоконтроля	62
Список библиографических ссылок	75
Список рекомендуемой литературы	77

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из главных особенностей русской культуры XX века стало ее расслоение. Этот процесс начался после Октябрьской революции 1917 года и продолжался в течение всего столетия. Появилась культура официальная и неофициальная, разрешенная и неразрешенная, создаваемая на территории советской России и за ее пределами. Последняя и является предметом нашего рассмотрения.

В настоящее время принято выделять три волны русской эмиграции: первая, причинами которой стали революция и последовавшая за ней Гражданская война (рубеж 1910–1920-х годов), вторая, связанная с исходом Второй мировой войны (1940-е годы), и третья — своеобразная реакция на усиление идеологического диктата после закончившейся эпохи «оттепели» (конец 1960-х — начало 1980-х годов). Все три волны были ознаменованы колоссальным оттоком из страны культурных и интеллектуальных сил и создавали в культурном, идейном и даже политическом смысле некий противовес России советской, поэтому мы и говорим сегодня о русском зарубежье как о совершенно уникальном, очень интересном и очень специфическом явлении, единственном в своем роде. По сути дела, это была вторая, параллельная советской русская культура и русская литература, не знать и не учитывать которую невозможно.

Кроме того, в последние десятилетия XX столетия на фоне глобального интеграционного процесса, когда стало очевидно «сплошное опограничиванье мира» [Земсков, с. 18] с его «амбивалентностью социокультурных ориентаций» [Шемякин, с. 40], появилась литература транскультурного генезиса, пришедшая, по существу, на смену литературе не только колониальной (во Франции и в Англии), но и литературе эмигрантской — в случае российской словесности. Конечно, это совершенно особое явление, но в русской

литературе ХХ века оно органически связано с феноменом эмигрантской культуры, ибо, сливаясь с нею, образует единое целое литературы русского зарубежья.

Учебный курс «Русская литература зарубежья» призван познакомить студентов-гуманитариев с феноменом русского зарубежья, важнейшими тенденциями развития русской литературы ХХ века за пределами советской России, основными чертами литературного процесса трех волн эмиграции, и дать представление о творчестве наиболее значительных писателей-эмигрантов. Из этих целевых ориентиров следуют основополагающие задачи:

- раскрыть идейную, эстетическую, философскую специфику русской эмигрантской литературы ХХ века;
- наметить типологические параллели между литературой зарубежья и литературой метрополии, между русской эмигрантской литературой и литературой европейской;
- познакомить студентов с биографиями и творчеством крупнейших представителей трех волн эмиграции;
- сформировать представления о периодических изданиях, основных центрах и художественных тенденциях русской литературы за рубежом;
- выработать особый навык понимания сложного культурно-эстетического и политического контекста, столь необходимый для адекватного прочтения многих произведений русского зарубежья.

Курс «Русская литература зарубежья» существенно дополняет и обогащает курс «История русской литературы ХХ века», кроме того, материал дисциплины заставляет активно обращаться к истории зарубежной литературы, к таким гуманитарным наукам, как философия, эстетика, история.

Поскольку объем курса может варьироваться, соотношение традиционных лекционных занятий и практических, аудиторных и внеаудиторных часов (различные формы самостоятельного обучения и контроля) может меняться в зависимости от учебного плана и профессиональной специфики обучающихся. В связи с этим данное пособие предусматривает разные формы обучения и контроля: материал к трем обзорным лекциям и аннотированная рубрикация возможных подтем; план девяти практических занятий; сто тестовых вопросов, список научной, критической и учебной литературы.

Глава 1

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

ПУТИ И СУДЬБЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

При том, что процесс эмиграции из России продолжался в течение всего XX столетия, само понятие «русское зарубежье» ассоциируется главным образом с первой, так называемой белой эмиграцией, которая была наиболее многочисленной, наиболее устремленной к реконструкции русской жизни со всеми ее общественно-значимыми институтами культуры, социальной и даже политической жизнью. Представители второй и третьей волн эмиграции в большинстве своем исповедовали пафос активного противостояния и обличения советского строя, жили отталкиванием от всего советского, хотя содержательно и художественно с этим «советским» были кровно и порой нерасторжимо связаны. Используя выражение В. Войновича, это был своего рода «антисоветский Советский Союз». Эмиграция же первой волны несла в себе значительно больше конструктивных установок, и ей в гораздо большей степени, нежели всем последующим, было присуще начало созидательное и любовное. Историограф русского зарубежья Марк Раев писал, что эмигранты первой волны «воспринимали себя как представителей единого общества, а русское зарубежье — как свою страну» [Раев, с. 16].

Действительно, эмигранты послереволюционной эпохи попытались сохранить то устройство русского мира, которое могло хоть в какой-то мере заменить потерянную для них и уничтоженную в реальности Россию прошлого. Это был подлинный русский мир за пределами родины: русские школы и университеты, научные институты, библиотеки, театры, технические бюро, религиозные центры (церкви, монастыри, общества), политические партии и общественные или профессиональные союзы, воинские объединения и кадетские корпуса и, конечно же, периодические издания

и книжные издательства. Одной из наиважнейших своих задач эмигранты первой волны считали сохранение русской культуры и русского языка, не случайно И. А. Бунин назвал свою знаменитую речь, прочитанную в 1924 году в Париже в *Salle de Geographie*, символично: «Миссия русской эмиграции». Это высокое назначение — «миссионство» — они, первые русские эмигранты, действительно ощущали в своей жизни, в своем творчестве, в своем самосознании. (Г. П. Струве, например, в книге «Русская литература в изгнании» весьма эмблематично подберет для характеристики процесса выезда из России именно библейские образы: «исход на Запад», «рассеяние русских».) Вполне естественно поэтому, что сердцевиной жизни русского зарубежья оказались литература и церковь — те сферы культуры, которые всецело зависят от языка, основного фактора национальной идентичности. Поэтому литературная жизнь зарубежья, в общем-то, малообеспеченная, была необычайно насыщенной и разнообразной, а статус писателя, несмотря на бедственное подчас положение реальных авторов, был очень высок.

Однако прежде чем начать разговор непосредственно о литературе русского зарубежья, необходимо коснуться **хронологии и географии** этого явления, ибо знание многих экстраподаточных факторов и реалий существенно помогает войти в мир русской эмигрантской литературы, многое объясняет и проясняет в нем.

Путей попадания в эмиграцию во время Гражданской войны было так много, как позволяли необъятные границы бывшей Российской империи. Русские оказались в результате трагических катаклизмов истории не только в Европе, но и в самых разных странах Азии и Африки, в Австралии, в Северной и Южной Америке. Но самой большой по численности была южная (крымская и одесская) эмиграция, связанная с отступлением врангелевской армии. «Девятым валом эвакуации» называет Г. П. Струве «врангелевскую эвакуацию из Крыма в ноябре 1920 года» [Струве, с. 27]. Он же приводит цифры: в Константинополе в это время «русское беженское население» достигало 150 тысяч.

Постепенно сформировались и другие центры русской эмигрантской жизни: София, Белград, Прага, Берлин, Париж, страны Балтии, Финляндия, города Харбин и Шанхай на Дальнем Востоке.

Особое место среди европейских столиц первоначально приналежало **Берлину**, городу, где встречались и контактировали

эмигранты и «советские», где осуществлялись или планировались общие издания (журналы «Новая русская книга», «Беседа», литературное приложение к газете «Накануне») и куда чаще всего изначально попадали те, кто смогли выехать из большевистской России. В Берлине в разное время (1920–1930-е годы) выходит примерно 58 наименований русских газет и журналов, а с 1918 по 1928 год (по данным М. Раева) осуществляют свою деятельность 188 русских издательств (среди которых «Издательство З. И. Грежбина», «Геликон», «Москва», «Слово», «Скифы» и др.). Были основаны в Берлине и Русский научный институт, где преподавали Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, и Писательский клуб. По образцу петроградского был создан Дом искусств, служивший сплочению русских литераторов. Прекрасно описан русский Берлин в русскоязычной прозе В. Набокова, прожившего здесь до 1937 года. Можно также вспомнить два посвященных этому городу стихотворения — «Берлину» М. Цветаевой и «Берлинское» В. Ходасевича, они вполне отражают общее отношение русских эмигрантов к немецкой столице. В карикатурно-сатирическом и в то же время глубоко лирическом свете изображена берлинская русская жизнь в романе В. Шкловского «ZOO, или Письма не о любви». Полное и фактически достоверное представление о русской жизни в Берлине можно составить по первой книге мемуаров Р. Гуля «Я унес Россию: Россия в Германии».

Одним из центров русской культуры, науки и образования в 1920–1930-е годы стала **Прага**, чему способствовала политика чехословацкого правительства, и главным образом президента новообразованной Чехословацкой республики Т. Масарика. В Праге был создан целый ряд русских вузов: Русский педагогический институт, Русский юридический институт, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский народный университет, здесь начали свою деятельность всемирно известный археологический семинар Н. П. Кондакова и Пражский лингвистический кружок, связанный с именами Р. Якобсона и Н. С. Трубецкого. Здесь было создано крупнейшее русское книгохранилище «Славянская библиотека», а также «Русский заграничный исторический архив». В Праге начал выходить один из лучших журналов эмиграции «Воля России», редактором которого стал М. Л. Слоним. Вокруг критика и литературоведа А. Л. Бема сложился поэтический

кружок «Сkit поэтов», просуществовавший долгие годы. Не случайно и М. Цветаева свое непродолжительное пребывание в Чехии неизменно вспоминала как лучшее для себя время эмигрантской жизни, посвятила этой стране немало стихов. Когда в Чехию в 1938 году после Мюнхенского соглашения вошли немецкие войска, Цветаева горячо откликнулась на это событие так, как могла — стихами (цикл «Стихи к Чехии»).

Несмотря на то, что значительными центрами русской эмигрантской жизни оказались многие европейские города, столицей зарубежной России стал **Париж**. Именно здесь обосновались многие русские политики и общественные деятели, ученые, крупные промышленники, артисты, композиторы, философы, писатели. Здесь утвердились центры и штаб-квартиры большинства русских общественных организаций, был открыт целый ряд высших учебных заведений. Здесь издавалось наибольшее количество периодических русских изданий: «Современные записки», «Звено», «Возрождение», «Последние новости», «Числа» и др. Из религиозно-философских изданий можно выделить журналы «Вестник РСХД», «Новый град», «Путь». В Париже в 1925 году был открыт Свято-Сергиевский богословский институт — религиозно-философская академия, где преподавали Н. А. Бердяев, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк. В столице Франции в 1920-е годы еще проходили Русские сезоны Дягилева и долгие годы творили русские художники Ю. Анненков, Л. Бакст, А. Бенуа, Н. Гончарова, М. Добужинский, К. Коровин, М. Ларионов, К. Сомов, М. Шагал и многие другие. В 1920 году в Париже возник Союз русских писателей и журналистов, первым председателем которого стал И. А. Бунин. З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский выступили организаторами литературных собраний «Зеленая лампа», происходивших сначала на их квартире на улице Колонель Бонне, а позднее — в зале Русского торгово-промышленного союза, и сыгравших огромную роль в создании особой атмосферы среди эмигрантских писателей, поэтов, критиков, философов. Вокруг И. И. Фондаминского (Бунакова) сложилось литературно-религиозно-философское общество «Круг». Русские поэты Г. Адамович и В. Ходасевич создали парижскому бульвару Монпарнас славу центра русской поэтической жизни, а их литературно-критическая полемика и амплитуда взаимно противоположных суждений придавали этой жизни остроту и динамику.

Целиком принадлежит русскому Парижу и такое значительное явление русской поэзии XX века, как «парижская нота».

Парижская жизнь русских эмигрантов отражена с разных сторон и в разных ее проявлениях в огромном количестве художественных и мемуарных источников. Достаточно вспомнить остросатирический взгляд Н. Тэффи в рассказе «Городок», смешные и печальные стихи Дон-Аминадо, лирический роман Б. Зайцева «Дом в Пасси», повесть А. Куприна «Жанета», детально точные и часто ироничные рассказы Н. Берберовой из сборника «Биянкурские праздники», романы Г. Газданова «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Призрак Александра Вольфа», романы Б. Поплавского «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес», книгу мемуаров В. Яновского «Поля Елисейские», мемуарно-очерковую книгу Ю. Терапиано «Встречи».

После начала Второй мировой войны центр русской эмигрантской жизни перемещается в США. В Париже закрывается главный журнал зарубежной России «Современные записки», вместо которого в Нью-Йорке в 1942 году под редакцией М. А. Алданова и М. О. Цетлина начинает издаваться «Новый журнал», ставший на долгие годы заново обретенным оплотом русской эмигрантской культуры. В Америку переезжают многие «русские европейцы», в том числе и писатели — М. Алданов, В. Набоков, В. Яновский, после войны — Н. Берберова, Р. Гуль, Г. Кузнецова, В. Варшавский.

Хронология русского зарубежья тоже имеет свои более или менее очерченные границы. Началом этого феномена стала Октябрьская революция 1917 года. Г. П. Струве считал, что историю первой русской эмиграции следует вести с 1920 года, с периода врангелевской эвакуации Крыма. В 1922 году по декрету Ленина и Троцкого из России было выслано более 160 представителей творческой и научной интеллигенции, среди которых были Ю. Айхенвальд, Н. Бердяев, И. Ильин, М. Осоргин, Ф. Степун, Г. Федотов, С. Франк. В это же примерно время уезжают Б. Зайцев, М. Цветаева, И. Шмелев. Во второй половине 1920-х годов процесс выезда за границу становится почти неосуществимым. Последним, кто смог добиться на это разрешения в 1931 году, был Е. Замятин.

Два межвоенных десятилетия стали для эмигрантской культуры наиболее продуктивными, и это понятно: еще была ощутима связь с прошлым, с традицией Серебряного века, с другой стороны,

появилось ощущение новых возможностей, новой, хоть и вне России сложившейся жизни, набирали силу молодые авторы, формировавшиеся под сильным влиянием западной культуры и литературы. Уникальное соединение разного давало свои результаты. Именно в это время были написаны лучшие, наиболее значительные произведения эмигрантской литературы, происходило формирование собственно эмигрантских литературных традиций. Символическим событием названного периода стало вручение И. А. Бунину в 1933 году Нобелевской премии. Вся эмигрантская общественность и сам Бунин восприняли этот факт как долгожданное признание русской культуры в изгнании.

Период Второй мировой войны стал временем больших испытаний для русской зарубежной культуры. Кто-то из ее представителей покинул Европу и переехал в США, многие перед лицом надвигающегося фашизма оказались по разные стороны баррикад. Так, Д. С. Мережковский счел возможным выступить по немецкому радио, а перед тем несколько лет поддерживал отношения с итальянским диктатором Муссолини. Генерал П. Н. Краснов вновь оказался в роли военачальника, командуя боевыми действиями против Красной армии. Однако большинство русских эмигрантов приняли самое непосредственное и деятельное участие в борьбе с фашизмом: записывались и воевали во французской армии, пока она еще вела боевые действия (Г. Адамович, В. Варшавский, Н. Оцуп), писали антифашистские статьи (М. Осоргин), боролись в рядах Сопротивления (В. Андреев, Г. Газданов, А. Дураков, Н. Оцуп, В. Сосинский, Ю. Софиев и др.). Примечательно, что движение Сопротивления во многом обязано своим возникновением русским молодым ученым и поэтам, сотрудникам парижского Музея человека Б. Вильде и А. Левицкому, расстрелянным в феврале 1942 года. Многие русские эмигранты, боровшиеся с фашизмом, во время войны погибли: это Б. Вильде, А. Дураков, А. Левицкий, Е. Кузьмина-Караваева, В. Оболенская, И. Фондаминский. Погибли также и другие, ставшие жертвами нацистского геноцида, — Р. Блох, М. Горлин, Ю. Мандельштам, Ю. Фельзен.

После окончания войны мир русской эмиграции стал иным, его единство распалось. Для эмигрантской послереволюционной культуры начался новый этап — этап рефлексии. Но и этот период оказался для литературы первой волны русского зарубежья

необычайно плодотворным, он дал огромное количество замечательных текстов биографического, мемуарного и автобиографического характера, среди которых книги Г. Адамовича, А. Бахраха, Н. Берберовой, В. Варшавского, Г. Гуля, Б. Зайцева, В. Набокова, Н. Оцупа, Ю. Терапиано, З. Шаховской, И. Шмелева, В. Яновского.

Характерно, что Г. П. Струве, написавший первый обобщающий труд по литературе русского зарубежья и лично принадлежавший эмигрантскому сообществу, именно хронологический подход сделал главным принципом обобщения. Основные части его «Русской литературы в изгнании» так и называются: «Становление зарубежной литературы (1920–1924)», «Зарубежная литература самоопределяется (1925–1939)», «Война и послевоенный период».

Литература первой волны русской эмиграции — это необычайно большой массив самых разных в тематическом, жанровом, стилевом отношении текстов, и трудно найти в этом массиве те условные скрепы, с помощью которых можно было бы охарактеризовать это громадное и многослойное явление. Л. С. Выготский писал, что «искусство систематизирует совсем особенную сферу психики общественного человека — именно сферу его чувства» [Выготский, с. 16]. Если применить эти слова к литературе русского зарубежья, чтобы найти и определить ее **основной пафос**, который, без сомнения, отражает «сферу психики» большинства русских эмигрантов, то, конечно, гамма, которую перебирает эта литература, будет минорной, а ее тоническим трезвучием можно назвать три схваченных В. Набоковым ноты: «невозвратность» — «несбыточность» — «неизбежность». «Ох, эта пропасть ностальгии, — пишет другой поэт и прозаик Г. Иванов, — по которой гуляет только ветер, донося оттуда страшный Интернационал, и отсюда туда — жалобное, астральное, точно отпевающее Россию, “Боже, царя верни”...» [Иванов, с. 8]. «Мы стоим на берегу океана, в котором исчез материк», — скажет о том же самом, но другими словами один из лучших критиков первой эмиграции Г. Адамович [Адамович, с. 17].

В целом можно говорить об **определенном круге тем**, занимавших русских писателей-эмигрантов больше и сильнее других (менее масштабных и более индивидуальных). Подчеркнем, что это те самые темы и проблемы, от которых не ушел никто, на каких бы позициях ни стоял, каких бы взглядов (политических и эстетических) ни исповедовал.

Первой и самой актуальной, самой эмоционально сильной стала **тема русской революции и Гражданской войны**. Круг произведений, взятых в качестве примера, может быть бесконечным, поэтому назовем хотя бы несколько: «Окаймленные дни» И. Бунина, «Петербургский дневник» З. Гиппиус, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Ледяной поход: (С Корниловым)» Р. Гуля, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, романная трилогия М. Алданова «Ключ» — «Бегство» — «Пещера» и его же большой многосюжетный роман «Самоубийство», повесть Б. Савинкова (В. Ропшина) «Конь вороной», роман М. Осоргина «Сивцев Вражек», роман Г. Газданова «Вечер у Клэр», рассказы И. Савина, ранний роман В. Яновского «Колесо», роман П. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени».

Органично связана с темой русской революции **тема исторических судеб России**. Вопрос, который задал себе в романе «Дар» набоковский герой Годунов-Чердынцев: «Отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться?» — волновал без исключения всех эмигрантов, даже тех, кто никогда не был склонен философствовать на тему российского миссионерства и евразийской уникальности. В качестве примера можно вспомнить творчество М. Алданова и его проект создать большой цикл произведений, охватывающих два столетия истории России и Европы. Другим примером масштабной постановки этой проблемы могут служить исторические романы Ан. Ладинского («XV легион», «Голубь над Понтом», «Анна Ярославна и ее мир»), роман М. Осоргина «Свидетель истории».

Безусловно, одной из самых важных стала для эмигрантских писателей **тема собственного русского прошлого**, каким бы это прошлое ни было — насыщенным и продолжительным или совсем небольшим, совпадающим с периодом детства. Трудно найти автора, у которого этих мотивов бы не было. Здесь можно упомянуть как художественные произведения, так и тексты мемуарно-биографического и автобиографического характера: «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Юнкера» А. Куприна, «Подстриженными глазами» А. Ремизова, «Времена» М. Осоргина, «Лето Господне» И. Шмелева, «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Петербургские зимы» Г. Иванова, «Вечер у Клэр» Г. Газданова, «Детство» В. Андреева, «Другие берега» В. Набокова, «Мальчики и девочки» И. Болдырева, «Колесо» В. Яновского.

Национальная проблематика нашла и еще одно очень важное преломление — в качестве **темы русской культуры**, по-разному развернутой и проявленной. В литературе она отразилась и в форме вполне реалистических рассказов, повестей, романов, бытописущих Россию дореволюционного времени, и, конечно, в форме романов-биографий, посвященных судьбам русских писателей, композиторов, общественных деятелей. Последний жанр был чрезвычайно популярен в конце 1920-х — 1930-е годы, когда были написаны «Державин» В. Ходасевича, «Преподобный Сергий Радонежский» и «Жизнь Тургенева» Б. Зайцева, три книги Н. Берберовой — об А. Бородине, П. Чайковском и А. Блоке, роман В. Набокова «Дар» с его четвертой главой о Н. Чернышевском, несколько произведений Р. Гуля, биографии русских писателей и философов, написанные К. Мочульским и Е. Кузьминой-Караваевой.

Наконец, еще одной неотменяемой и всеобщей была для литераторов русского зарубежья **тема эмигрантской жизни**, столь актуальная, живая, важная и для каждого писателя, и для каждого читателя. Почти у всех прозаиков есть произведения, ей посвященные: это «Дом в Пасси» Б. Зайцева, «Няня из Москвы» И. Шмелева, «Жанета» А. Куприна, «Вольный каменщик» М. Осоргина, многочисленные рассказы Н. Тэффи, детские рассказы С. Черного, романы В. Набокова, Г. Газданова, Б. Поплавского, В. Варшавского, Ю. Фельзена, В. Яновского, рассказы и романы Н. Берберовой, И. Одоевцевой. Поэтическая летопись и поэтический дневник бытовой жизни русских в Париже — стихотворения Дон-Аминадо.

Если говорить о **господствующих эстетических тенденциях**, под влиянием которых развивалась русская эмигрантская литература, то надо признать, что никакого художественного единства и тем более единства в ней не было. Реализм (творчество А. Куприна, С. Шмелева, Л. Зурова) сосуществовал с орнаментализмом А. Ремизова, с сильно выраженной экзистенциальной направленностью (проза И. Бунина, стихотворения Г. Адамовича и Г. Иванова, «Распад атома» Г. Иванова, стихи и проза Б. Поплавского, рассказы и романы Г. Газданова, «Приглашение на казнь» В. Набокова), откровенный натурализм (рассказы и романы В. Яновского, «Тело» Е. Бакуниной) с романтизмом или, что будет вернее — с неоромантизмом (В. Набоков, Г. Газданов, повесть В. Емельянова «Свидание Джима», «Письма о Лермонтове»

Ю. Фельзена), экспрессионизм (А. Ремизов, М. Осоргин) — с импрессионизмом (Б. Зайцев).

Литература русского зарубежья закономерно воспринимается нами как продолжение поэтической традиции Серебряного века, но это справедливо только отчасти. Действительно, в эмиграции оказались и бывшие символисты (К. Бальмонт, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, В. Ходасевич), и бывшие акмеисты (Г. Адамович, Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Оцуп), и бывшие футуристы (И. Северянин, И. Зданевич), которые продолжили свое творчество. Однако та почва, те стимулы, которые питали литературу и, в частности, поэзию начала XX века, те художественные, религиозно-философские и общественные идеи, которыми она жила, были во многом исчерпаны и должны были претерпеть качественные изменения. Поэтому совершенно естественно, что довоенная и дореволюционная слава К. Бальмонта, Вяч. Иванова, З. Гиппиус (как поэтессы) осталась в прошлом. Регулярно появлявшиеся сборники поздних стихов Бальмонта перестали удерживать внимание и тем более интерес немногочисленных читателей, Вяч. Иванов, поселившись в Риме и приняв католичество, практически не участвовал в жизни русской зарубежной культуры. Зинаида Гиппиус, издавшая за рубежом единственную книгу стихов «Сияния» (1938), была гораздо более популярна в качестве литературного деятеля, публициста и критика. Перестали что-либо значить и те принципиальные когда-то пункты, по которым проходило эстетическое размежевание основных поэтических течений дореволюционной русской поэзии. Зато младшие представители поэзии Серебряного века — Г. Адамович, Г. Иванов, В. Ходасевич, М. Цветаева — оказались способны к подлинной эволюции, к интенсивному внутреннему самоизменению.

Появился в эмиграции и целый ряд совершенно новых поэтических имен, ознаменовавших собой абсолютно иную, нежели Серебряный век, а с другой стороны, нежели советская поэзия, литературно-поэтическую интенцию. Это, например, такие поэты, как Д. Кнут, Ан. Ладинский, Б. Поплавский, В. Смоленский, Ю. Софиев, Л. Червинская, А. Штейгер, на Дальнем Востоке — А. Несмелов и многие другие. Значительным феноменом русской эмигрантской поэзии стала «парижская нота» — особая форма поэтического мышления, особое направление, во многом порожденное стихами Г. Иванова, стихами, литературными эссе, критикой и личным обаянием Г. Адамовича.

Кроме того, русская эмигрантская литература (и проза, и поэзия) во многом была предопределена **поколенческой принадлежностью авторов**. Писатели старшего возраста – те, кто уехали из России вполне сложившимися и даже прославленными литераторами, большую частью продолжили в эмиграции основную линию своего развития, начало которой – эпоха рубежа веков. Художники молодые, покинувшие родину в юности, а значит, сформировавшиеся под сильным влиянием не только русской, но и европейской культуры, не могли не откликнуться в своем творчестве на основные веяния и установки литературы европейской. Они находились в поле притяжения не только русских классиков и русского Серебряного века, но и таких, например, европейских писателей, как М. Пруст, А. Жид, Л.-Ф. Селин, Ф. Кафка. Это относится к В. Набокову, Г. Газданову, Б. Поплавскому, Н. Берберовой, Ю. Фельзену, В. Яновскому. По сути дела, они оказались русскими европейцами XX столетия, что придает их творчеству особый шарм и особое значение. В последнее время вокруг культурной «пограничности» младшего поколения первой русской эмиграции возникло много споров: канадский славист Леонид Ливак и швейцарская исследовательница Анник Морар выстроили концепцию некой эстетической вторичности созданной младоэмигрантами словесности по отношению к современной ей литературе Запада [Livak; Morard]. Им оппонируют российские ученые, считая, что европейское начало, действительно активно присутствующее в творчестве «молодых», было эмигрантскими сыновьями переработано и переплавлено под воздействием русской традиции и национальной психологии.

Список литературы

- Адамович Г. Одиночество и свобода / Г. Адамович / сост., предисл. и примеч. В. Крейда. М., 1996.
- Ваксберг А. Семь дней в марте : Беседы об эмиграции / А. Ваксберг, Р. Герра. СПб., 2010.
- Варшавский В. Незамеченное поколение / В. Варшавский. М., 2001.
- Гуль Р. Б. Я унес Россию : Апология эмиграции : в 3 т. / Р. Б. Гуль. М., 2001.
- Раев М. Россия за рубежом : История культуры русской эмиграции, 1919–1939 / М. Раев. М., 1994.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru